

ОЛЬГА ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

МОЯ  
*чужая*  
ЖЕНЩИНА

Чужие

Ольга Дашкова

**Моя чужая женщина**

«Автор»

2022

**Дашкова О. В.**

Моя чужая женщина / О. В. Дашкова — «Автор»,  
2022 — (Чужие)

Как жить, если тебя используют всю жизнь? Когда ты просто красивая игрушка, любовница, не имеющая ничего своего, даже права выбора? Арина хочет свободы, иметь семью, которой никогда не было у девочки из детского дома. Но за побег последует жестокое наказание. У Тихона Покровского было табу на несвободных женщин, никаких интриг. Но именно из-за неё он нарушил свои правила. Надо было отпустить эту девчонку при первой встрече. Как чувствовал, с ней будут одни проблем. Но зацепила. Дерзкая, красивая, кем-то поломанная. А ещё чужая. Чужая женщина. Не его. Содержит нецензурную брань.

© Дашкова О. В., 2022

© Автор, 2022

## Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# Ольга Дашкова

## Моя чужая женщина

### Пролог

– Мы нашли ее.

– Где?

– Недалеко была, можно сказать, под носом, не углядели, в соседней области.

– Хорошо. Привези ее. И смотри, Макар, головой отвечаешь, чтоб никто и тронуть не смел, руки вырву. Что бы она ни сказала, что бы ни делала, не трогать. Я лично ее буду наказывать.

Мужчина полоснул взглядом по своему подчиненному, тот кивнул, поправил кобуру под форменной курткой.

– Гектор поедет с вами, ему подчиняетесь. И переоденьтесь, не светите формой и документами. Не хватало мне еще проблем с соседями.

– Понял. – Подчиненный кивнул, быстро вышел из кабинета.

Сложив перед собой руки на поверхности стола, мужчина повернул голову в сторону. В отражении стеклянных дверей офисного шкафа, заставленного красными папками, мелькнули суровое лицо и две звезды на погонах.

Он расправил плечи, в шее хрустнули позвонки, потер пальцами виски, голова последнее время болела не переставая. А все из-за этой маленькой рыжей сучки.

Сбежала от него, от всех сбежала, тварь такая!

Просто исчезла, словно растворилась в воздухе. Полтора месяца искал, подключил все связи, что были, поставил на уши всю область и город.

Вокзалы, аэропорт, камеры на трассе. Ребята обшарили все притоны и клубы, даже взяли несколько наркоторговцев. Лично перечитывал все списки найденных бездомных. В морг ездил пять раз и каждый раз думал, сдохнет там сам.

Нервный стал и дерганый, на подчиненных срывается. Пить стал больше, а впереди так отчетливо маячили новая звезда и звание полковника. А он, вместо того чтоб думать о работе, прокручивает в голове раз за разом тот последний вечер и разговор с Ариной.

А все потому, что ее нет рядом. Нет его милой, славной девочки, рыжей бестии, связавшей его нутро в тугой узел десять лет назад.

– Константин Андреевич, разрешите?

Молодая девушка с короткой стрижкой темных волос до плеч заглянула в темный кабинет. Подполковник посмотрел на часы – восемь вечера, – ослабил ворот рубашки:

– Да, Оля, говори.

Девчушка зашла в кабинет, положила серую папку на край стола, провела ладонями по узкой юбке, быстро облизала губы.

Мужчина оглядел ее с ног до головы. Младший лейтенант Ольга Семенова, новенькая в их отделении. Совсем молодая выпускница юрфака, высокая полная грудь, тонкая талия, длинные ноги, в темных глазах ничем не прикрытый интерес.

Шлюшка маленькая.

– Здесь документы по делу Епифанова.

– Я понял. Что еще?

Мужчина продолжал рассматривать девушку, но уже без интереса: все мысли были заняты другой.

– Мне остаться сегодня?

Константин Андреевич Никифоров, подполковник полиции, начальник отдела по борьбе с экономическими преступлениями областного УМВД, а совсем скоро полковник и начальник этого самого РОВД, покрутив в пальцах карандаш, бросил его на стол.

Выпить захотелось жутко, а не трахаться.

Последнее время не просто выпить, а нажраться, чтоб не помнить ничего, чтоб утопить в алкоголе сознание и вытравить из него рыжую сучку, что засела злокачественной опухолью в мозге.

– Нет, ты не нужна.

Легкая кокетливая улыбка исчезла с лица девушки.

– Можешь идти, – сказал сухо и сдержанно.

Совсем скоро ему привезут его девочку.

Его любимую лисичку.

Гектор справится, ему и одному можно поручить такое пикантное дело, но парни помогут, от Арины все что угодно можно ожидать. Но Константин Андреевич и не предполагал, что это ожидание затянется так надолго и встреча будет не через несколько часов, несколько недель.

Девушка еще немного задержалась, начальник может и передумать, но ему на нее было уже совершенно наплевать. Подполковник потерял к ней всякий интерес, она вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Никифоров встал, расправил плечи, высокий, крепкий в свои сорок пять лет, подтянутый и привлекательный мужчина. У него никогда не было пороков и слабостей, кроме одной.

Кроме одной девушки.

Его слабость сбежала от него.

Рыжеволосая бестия.

Маленькая сучка.

Его любимая маленькая сучка.

Соблазн.

Болезнь.

Порок.

Его Арина. Богиня мира и спокойствия, но мифология врет. Его Арина – богиня порока и соблазна.

Уже десять лет как он тронулся из-за нее, а за последние годы так совсем подсел, как на самый убойный наркотик. Чуть должность в свое время не потерял, а все она – околдовала его, ведьма рыжая!

Взял телефон, открыл галерею. С фото на него смотрела девушка, распущенные волнистые волосы отливали темной медью, россыпь веснушек по лицу, серо-голубые глаза, белая фарфоровая кожа. Здесь ей всего пятнадцать, вот именно тогда он пропал, увидев ее.

На одних фото она улыбалась, на других прикусила губу и показывала средний палец. Дерзить любила, последнее время кровь пила из него, доводя до бешенства. Бунтовала, гоняла на машине, попадая в аварии, в клубах устраивала гулянки. Все свободы требовала, устала жить в клетке.

Открыл другое видео. Она сидит сверху, распущенные длинные волосы закрывают лицо, двигается медленно. Запрокинув голову, ласкает грудь, чуть оттягивая набухшие темно-розовые соски. На правом плече и руке набиты розы с шипами и алыми пятнами. Никогда не любил эти ее рисунки, они только портят истинную красоту и чистоту тела. Член в брюках встал моментально, яйца заломило от боли.

Зря Ольгу отпустил.

– Ничего, моя сладкая, скоро увидимся. Будешь не так на мне скакать. Будешь вымаливать прощение всеми способами. Уж я-то постараюсь, моя милая рыжая лисичка.

Мужчина с силой сжал телефон, в стекле окна отразилось его искаженное от злости лицо.

## Глава 1

Арина

– Как тебя зовут?

– А какое имя тебе больше нравится?

– Мне не нравится, когда девушки так себя ведут.

– Я и не пытаюсь тебе понравиться.

– Хамишь?

– Иди к черту, кто бы ты ни был, как бы тебя ни звали! И это еще очень ласково я тебя послала, дядя.

Господи, как же я устала вот от таких персонажей в своей жизни.

– Все-таки хамишь. Тебе не идет.

– Ты мент?

– Похож?

Задумываюсь. Двигаюсь ближе, в помещении три на три метра под потолком горит яркая лампа, освещая нас. Опираясь локтями на стол – я без наручников, это уже хорошо, – внимательно рассматриваю сидящего напротив меня мужчину.

Ментов я знаю наизусть, по запаху, нутром чую, что бы они на себя ни надели, как бы ни пытались себя вести, меня не проведешь. Мужчина сидит в расслабленной позе, закинув ногу на ногу, положив одну руку на стол, смотрит в глаза.

Они у него голубые, пронизывающие насквозь. Светлые густые брови и волосы, красивая щетина, четкий контур губ – ухоженный, богатый, властный.

Как я же ненавижу вот таких.

Он похож на викинга, ему бы отрастить волосы и отпустить бороду, заплести ее в косы, взять меч и рубить врага. Наотмашь, с плеча до пояса, одним взмахом. Так и вижу, гора трупов, реки крови, и он, весь перепачканный грязью, стоит в середине этого ада. Большой, грозный, вызывающий ужас у врагов.

– Ver thik, her ek kom! – прокричала громко, но он даже не шевельнулся, лишь улыбнулся кончиком губ. – Ты понял, что я сказала?

– В моих глазах много глупости?

– В твоих глазах то, что мне не нравится.

– Берегись, я иду! – ответил, не переставая меня изучать, как забавного, сидящего напротив зверька, удивляясь тому, что он умеет говорить.

Удивил, но то, что он знает боевой клич викингов, еще ничего не значит.

– Так что, я мент?

– Нет, ты хуже.

Я помню, как вот такие же дяденьки приезжали к нам в детский дом по выходным с гостинцами и подарками, помогая и радуя несчастных сироток. А они, в свою очередь, помогали им воплотить в жизнь некоторые их фантазии.

Хочу курить, начинает раскалываться от боли голова.

Теряю к мужчине интерес, отворачиваюсь, распущенные волосы падают на лицо, резинку потеряла еще утром, в одной тоненькой курточке начинает знобить. Хочу уйти отсюда, задержать меня не имели никакого права.

– Чем же? Чем я хуже?

– Я не понимаю, тебе поговорить не с кем? Вызови любую проститутку, она расскажет столько баек, что заслушаешься, о своей нелегкой доле и паскудной жизни, даже слезупустишь.

– Хочу послушать твои. Ты проститутка?

– Мои не такие интересные. А похожа?



– На вокзале ты была со своими подругами, а еще раньше тебя видели в баре, что ты там делала?

Черт, откуда он все знает?

– А что делают в барах? Отдыхала, выпивала со своим парнем.

– И где он сейчас?

– Не знаю, наверное, в обезьяннике.

Закидываю ногу на ногу, скрещиваю руки на груди, моя защитная реакция от всего мира, проще, конечно, было давно утопиться, но умирать страшно, а жить еще страшнее, но приходится.

От него приятно пахнет, дорого. Весь воздух пропитан парфюмом, белая рубашка, черное полупальто, смотрю на часы и обувь. Дорогой мужик, очень дорогой, у Никифорова есть такие же часы, этой же фирмы, я знаю их цену.

– Я могу курить?

Легкий кивок одобрения, от его взгляда не закрыться, это начинает напрягать. Не понимаю, что ему от меня надо. Достав из кармана куртки сигареты, прикурила, жадно затягиваясь полными легкими, вкус ментола оседает на губах, облизываю их, выпуская медленно перед собой дым.

Я на самом деле была в баре, но я там работаю неофициально, без отметки в трудовой книжке, которой у меня никогда не было, без паспорта и каких-либо документов. У меня вообще нет ничего и никого в этом городе, даже телефона.

– Как тебя зовут?

– Маша.

– Врешь.

– Я устала, можно мне пойти уже? Меня парень дома ждет, волнуется, наверное.

Так забавно и непривычно звучит моя фантазия про парня, но приятно думать, что он у меня есть. Моего возраста, лет так двадцати пяти, уверенный, с планами на жизнь и амбициями, с будущим. Но, увы, у меня такого нет.

– Как зовут парня? Можно?

Мужчина показывает на сигареты, толкаю к нему пачку.

Он закуривает, красивые пальцы, легкий прищур от дыма, выпускает его в потолок:

– Жуткая дрянь.

– Согласна.

– Так как зовут твоего парня?

– Костя.

Никифоров бы описался от счастья, узнай, что он мой парень.

Смотрим друг на друга и курим. Интересная у нас игра, только вот мне не понять ее правила. Бар «Пробка», в котором я работаю барменом, собирает по вечерам разную публику, кто случайно хоть раз туда попадает, обязательно возвращается. А вот я осталась совсем.

Вечер пятницы, многолюдно, я разливаю светлое нефilterованное, «Б-12» и «Отвертку», реже «Секс на пляже»; накачанный парень в облегающей футболке подкатывает, делая нелепые комплименты и мешая работать.

Прекрасный вечер, который я уже успела полюбить, потому что он пах не только крабовыми кольцами, но и моей свободой, омрачили парни в бронежилетах с автоматами.

Я успела лишь выйти через черный ход на улицу, поймать такси, уехать на вокзал. А уже там две сучки, путаны малолетние, устроили скандал и драку, толкнули меня, я ответила грубо, и пошла массовка.

Ментам пришлось разнимать, нас троих погрузили и привезли в отделение, да не в какое-нибудь, а центральное.

Зря я орала на все отделение и качала права, ой зря. Вот именно тогда-то я и попалась на глаза троим мужчинам. Просто не РОВД, а шапито, сука, и почему мне везет как утопленнику?

Один из них, что сейчас сидит напротив меня и думает, что со мной делать, и приказал посадить в комнату и не трогать. Хотела бы я посмотреть, как меня бы начали трогать.

– А теперь послушай меня, девочка.

Его взгляд изменился – холодный, колючий, – голос становится низким, я даже придвинулась снова ближе, но больше от любопытства:

– Ну-ка?

– Послушай меня и сделай правильные выводы. А когда сделаешь, то расскажешь, как, сколько и у кого вы брали наркоту, которой торговали в том сраном баре. Потому что я не позволю, чтоб в моем городе кто-то что-то делал без моего ведома.

Твою же мать! Черт! Черт! Черт!

Это что, у меня такая карма хреновая, что мне в жизни попадают лишь ее хозяева?

## Глава 2

Покровский

– Ты меня услышала? Или повторить?

Не свожу взгляда с девушки, а она, наоборот, морщится и отворачивается в сторону, качая головой, словно сожалея о чем-то. У нее очень красивые волосы – цвета темной меди, длинные, волнистые, – именно они и зацепили, когда увидел ее сегодня.

Не пойму, почему сам, лично трачу на нее свое время. Надо бы отдать ее Сёмину, пусть прессует и вытаскивает информацию, он любит это делать.

– Хочешь, чтоб с тобой поговорил кто-то другой?

Повторяю еще раз, хотя не имею такой привычки. Как она сказала, ее зовут? Маша? Из нее Маша, как из меня Ваня.

Соврала, в глаза глядя, соврала, значит, будет врать и дальше. Увидел ее вечером, когда спускались на первый этаж с Шумиловым и Тимуром, какая-то девица поливала отборным матом сержанта, пыталась вырваться из его рук.

Вся в черной коже, каблуки, я бы и сам принял ее за путану, но дорогую очень, такие на вокзалах стоять не будут, таких привозят в загородные дома. При ней не было ничего – ни документов, ни телефона, лишь сигареты, зажигалка и немного наличных денег и связка ключей.

Один из оперативников узнал ее, была в баре, на который готовился рейд по наркотикам. Но патруль с вокзала она разукрасила, конечно, красиво, все рожи исцарапанные, вот же дикая кошка, нет, не кошка – лиса, хитрая и наглая.

– Хорошо, признаюсь, я соврала.

Непроизвольно сжимаю кулак, внутри тоже все сжимается в предчувствии. Нет, сука, нет, если она действительно распространяет наркотики, то, сука, я уже не знаю, куда катится этот мир.

Поворачивается, убирает назад волосы, они явно ей мешают, ведет одной рукой по шее, цепляя пальцами тонкую золотую цепочку, трогает крестик. У нее странные глаза, непонятный цвет – цвет густого серо-голубого тумана.

Или тому виной освещение?

Под курткой черная майка, вижу лишь край татуировки на груди справа. Кожа светлая, чуть заметные веснушки на лице и колечко пирсинга в носу. Сколько ей лет?

– Мне двадцать пять, зовут Арина. Я не проститутка и не торгую наркотиками и своим телом. Да, я была в баре, но ушла от греха подальше, не получилось, как видишь. Считаю, что вы не имеете никакого права меня задерживать.

Говорит уверенно, от былого нахальства и наглости не осталось и следа, глаза холодные, сжимает крестик в кулаке.

– А ты забавная.

– Хотела пойти в театральный, но не взяли. Там любят забавных.

– В проститутках лучше? – специально задираю ее.

Видно, что держит себя, вздыхает, смотрит в потолок, прикрывая глаза. На шее под тонкой бледной кожей пульсирует венка, три родинки слева, получается треугольник. Я бы посмотрел на ее татуировки, уверен, их много.

– Что ты делала в баре?

– Пила пиво. Да что вам дался этот бар? Обыкновенная дыра, недорогой алкоголь, но неплохая закуска.

Девушка не смотрит на меня, берет тлеющую сигарету с края стола, затягивается до самого фильтра, бросает на пол и тушит носком ботинка. Не люблю курящих женщин, но ей идет.

В движениях небрежность, легкая усталость, а еще вседозволенность. Так ведут себя отпрыски богатых родителей. Интересно, чья она дочь?

– Долго мы еще тут будем разговоры разговаривать? Я хочу в туалет и есть, а еще в душ и спать. Дяденька, отпустите меня, ну, не виноватая я, он сам пришел, ну, пожалуйста, дяденька.

С тем, что она плохая актриса, я погорячился, отличная, выходит. Но ей не идет так ерничать, вызывает желание взять эту рыжую копну волос в кулак и приложить ее хорошенькую мордашку об этот стол.

Сам тушу сигарету, бросив ее на пол, хоть бы пепельницы, что ли, поставили, я ведь просил увести ее в кабинет, а не в комнату допросов.

Но персонаж эта Арина занятный, точно не местная. Если бы такая молодая, красивая да дерзкая, что расцарапала лица патрульным и сломала одной проститутке нос, жила у нас, я бы знал.

Может, с новой партией приехала из соседней области, я ведь предупреждал Игната не возить сюда дрянь. Не войны же он хочет на самом деле.

– Дяденьке надо подумать.

Мы снова изучаем друг друга. Клич викингов я знаю с детства, тогда читали книги, а не залипали в гаджетах и играли не в приставки, а во дворе. Вот откуда это знает расписная рыжая Арина, непонятно. Надо бы ее на наркотики проверить.

Но красивая, чертовка, нет, я не залипаю на малолеток, а она для меня именно такая. Мне сорок два, мне вообще заводить семью и отношения противопоказано. Слишком много будет соблазна у врагов, не хочется давать им рычаги давления на себя.

Мне хватило недавних разборок Немца и Соболя, один из которых всадил пулю в лоб, а я потом подчищал концы. Да и эти два деятеля сегодня, Шумилов с ТТ, тоже у них там все непросто. На фига мне эта головная боль? И так хватает, кому мозг выносить.

– Сейчас пописаешь в баночку, а потом поедem к твоему парню.

– Это зачем?

В глазах легкий испуг, спина прямая, губы чуть приоткрыты.

– Затем, что я так хочу.

Снова меняется в лице, морщится, опускает голову, прячась за волнистыми волосами. Не нравлюсь я ей, чувствую, что не нравлюсь, но у нас это, рыжая, взаимно. Но стало обидно. Неужели я такой старый, что не могу понравиться молодой девушке? Просто так, не за положение, статус и деньги? Что вообще за мысли лезут в голову, вроде трезвый!

– А ты всегда получаешь то, что хочешь? Так? Любую прихоть, любой каприз, любую девочку, да? А может, и мальчика?

В глазах ненависть, лицо стало еще бледнее, кусает сухие губы, двигается ближе, прожигает взглядом. Да что с ней не так? Может, правда она наркоманка, сидит на какой синтетике, сейчас ее столько, что не разберешь.

– Да, я именно такой, девочка. И пока ты в моем городе, ты будешь делать то, что скажу тебя я.

– А если нет?

– Была в общей камере?

Нехорошая ухмылка. Закрывает лицо руками, падает на стол и начинает смеяться. А у меня нехорошее предчувствие, натерпелся я с ней.

Может, отпустить? Пусть катится на все четыре стороны. С ней будет много проблем.

Вот именно тогда это было бы единственным правильным решением, но Покровский не ищет легких путей и не отступает от задуманного.

Дурак.

## Глава 3

Арина

– Миш, ты пальчики ее снял?

– Да, Тихон Ильич. К утру информация будет.

– Хорошо, скажешь начальнику, пусть все скинет мне.

Значит, Тихон Ильич – как пафосно, но ему идет. В отделении многолюдно, идем по узким коридорам, время – ночь, а в таких местах всегда кипит жизнь. Сука, аж воротит, из-за одного гондона ненавижу всех ментов, вместе взятых.

– Пошли, чего застыла?

В холле у дежурки смотрю на двух бомжей, им хорошо, они спят, главное, чтоб было тепло, а где – неважно.

– Митрофанов, твою мать, уведи их в камеру, воняет, дышать нечем.

Какой-то мужчина с усталым лицом кричит в открытую дверь, ему отвечают, что там не место и трогать бомжей никто до утра не собирается. Господи, как же весело, так бы и осталась здесь. Шутка.

– Мы едем писать? Я могу и тут, мне нетрудно, если уже тебе так приспичило.

– Слушай, рыжая, ты чего мне все время тыкаешь? Незаметно, что я старше тебя?

– О, пардон. Господин, как вас? Тихон Ильич? Или можно просто барин?

– И зачем я с тобой связываюсь?

– И правда – зачем? Ах да, я же проститутка и барыга наркотой. Сама совсем свое призвание забыла.

Стоим в дверях отделения, этот Тихон Ильич еще выше и крупнее, чем когда сидел, точно викинг, а еще громкий. Его вообще слишком много, начинаю уставать от величия и значимости.

Мужчина поджигает губы, снова рассматривает меня. Не понимаю, что он все пытается разглядеть. Никифоров говорит, я сука чокнутая, а я не спорю.

– Где твоя одежда?

– А на мне сейчас что?

Оглядываю себя, для октября, конечно, прикид у меня не очень, но я не собиралась сегодня совершать дальние пешие прогулки. Кожаная куртка, такие же брюки и ботинки на каблуках. Есть еще джинсы, кроссовки, куртка теплее и белье, купленное в секонд-хенде, но я ведь сегодня на работе была, должна была выглядеть не как те бомжи.

– Ладно, пойдем, в машине тепло.

Меня галантно пропускают вперед, у самого крыльца шикарный черный, блестящий в свете ментовских мигалок «Порш Кайен Турбо» – почти одиннадцать миллионов цена, на минуточку, я Никифорову тыкала в журнал, показывала его, думала, купит, когда я свою разбила. Не купил.

Нет, меня не удивить дорогими тачками, часами и тряпками. Я абсолютно к этому равнодушна, потому что понимаю – не в этом счастье. Сама не знаю в чем, потому что не было его у меня.

– Слава, давай в клинику нашу, позвони, предупреди, что будем.

– Хорошо, Тихон Ильич.

Пахнет дорого, играет тихая музыка. И зачем я только сбежала из бара? Ну, полежала бы немного мордой в пол, дала бы себя обыскать. А так дернулась от испуга.

Нет, плохо, все плохо, и то, что попала на глаза этому Тихону, очень плохо. С меня сняли отпечатки пальцев, интересно, они есть в общей базе или мой подполковник постарался, чтоб их там не было?

А еще у меня нет документов, нет ничего, что может удостоверить мою личность. Я вроде как в бегах, они мне ни к чему, но все-таки необходимы. Виссарион, владелец бара, обещал помочь с этим, нужно было только время. Я не светила три недели, а тут здравствуйте, появляется некто Тихон Ильич, качает права и вызывает отвращение.

– Откуда ты?

Мне задают вопрос, не хочу отвечать. Смотрю в окно: неплохой город, много огней, но погода скверная. Хорошо, пописаю я в баночку, дальше что?

– Я ведь все равно узнаю.

– Узнай. – Поворачиваюсь, смотрю на мужчину: – Есть резинка? Нет, не презерватив, любая, волосы убрать.

Тихон запускает руку в карман пальто, достает пачку денег, подает мне резинку, которой они были скручены. Зеленая, обыкновенная банковская.

– Спасибо.

Собираю волосы в кучу, наконец убирая их. Все время хочу обрезать, но Никифоров сказал, что руки мне переломает, если сделаю это. Все из-за них в моей жизни, наверное, слишком привлекаю внимание к себе, или это мой скверный характер?

Больше мне не задавали вопросов, но я чувствовала пристальный взгляд, он прожигал и напрягал, становилось неуютно. Хочу просто выйти и пойти в то место, которое сейчас мой дом, у меня и такого никогда не было. Нет, был детский дом номер два, где мы с братом провели свое «прекрасное» детство.

– Приехали, пойдем. И без фокусов.

– Да куда мне, это вы, Тихон Ильич, тут волшебник, перед которым открываются все двери в любое время суток.

– Твой уровень юмора я уже оценил, хреновый он у тебя.

– Мне и до этого далеко.

В холле клиники нас встретила милая девушка в белом халате, на моего сопровождающего она смотрела как на бога, не меньше. Два часа ночи, а она при полном параде, если бы меня здесь не было, выпрыгнула бы из трусов, как дрессированная болонка.

– Тихон Ильич, рада вас видеть, чем могу помочь?

– Слушай, а давай ты пописаешь? Девушка поможет.

На меня уничтожающие посмотрели сразу две пары глаз, а я лишь приуныла.

– Возьмите у девушки все анализы, что берут на наркотики и запрещенные вещества, я подожду тут.

– Хорошо. Пройдемте.

– Вы забыли сказать: «Хорошо, Тихон Ильич».

– Я... я не понимаю?

– Не слушайте ее и не поддавайтесь на провокации, она проститутка и торгует наркотиками. Жду пять минут.

Нарочно долго писала в баночку, а потом умывалась и смотрела на себя в зеркало. Мне двадцать пять, я вполне симпатичная, здоровая, ну, как здоровая, относительно. Впереди целая жизнь, как говорится, но она все никак не может начаться.

Может, это я такая несчастливая, поэтому все у меня наперекосяк все двадцать пять лет? Сначала родилась не у тех людей, потом оказалась им не нужна, а потом нужна, но не тому человеку.

– С вами все в порядке? Девушка!

– Нет, со мной не все в порядке.

Вода стекает по лицу, облизываю губы, сейчас еще немного постою здесь, и викинг выломает двери. Даже хочется на это посмотреть, но не стану, устала от всех сегодня.

– Держите, это все?

Вручаю девушке пластиковый стакан, жду ответа.

– Нет, нужно взять кровь из вены.

– Давайте возьмем, и если можно, то быстрее, я тороплюсь.

В процедурной светло и чисто, у нас в детдоме был такой бардак и от всех болячек и болезней зеленка и аспирин. Снимаю куртку, бросаю ее на кушетку, кладу правую руку на стол. Медсестра немного тушует, а когда, перетянув жгутом руку, пытается найти вены, морщит носик, разглядывая мои татуировки, которые покрывают всю руку.

– Слушай, а кто он?

– Кто?

– Ваш Тихон Ильич, которого все боятся и слушаются?

– Он уважаемый человек, бизнесмен.

– И все?

– Нет, я точно не знаю, но он что-то типа хозяина города.

– Ай, больно же.

Она находит вену, больно вонзая иглу, а мне становится совсем нехорошо уже который раз за этот день.

Черт!

Черт! Черт!

– А тут есть черный ход?

– Нет, и не думай, что я тебе буду помогать. Мне это место и моя жизнь дороже. Можешь идти.

Вот же сучка!



## Глава 4

Покровский

Зачем вообще я занимаюсь ей сам?

Надо бы поручить эту странную девицу парням, пусть бы съездили к ней на квартиру, поговорили с ее парнем, если он, конечно, есть. Но понять не могу, почему делаю все сам. Словно мне заняться больше нечем.

Но рыжая очень занятная, такая непростая, с гонором. Говорит, прямо смотря в глаза, а у самой в них ничем не скрываемая ненависть, нет, скорее презрение. А как небрежно посмотрела на пачку денег, а потом резинкой от них собрала волосы?

Точно не проститутка и не наркоманка, те смотрят жадными, голодными глазами, там всегда не хватает. Этого «добра» я насмотрелся с детства – район и дом, в котором жил, был наполнен именно такими персонажами. Там могли полоснуть по горлу осколком стекла за любое неверно сказанное слово или показанный жест.

Сижу в темном холле, ребята из охраны остались на улице, за дверью голоса. Наверняка рыжая обрабатывает девчонку, сбежать хочет, вот уверен в этом.

Улыбнулся.

Первый раз за несколько дней, наверное, хотя смешного мало. А вот наличие парня у этой Арины – не факт, что и это имя настоящее, – огорчило. Надо бы проверить, есть он вообще или нет, а еще узнать, кто она такая, откуда и что делала в том баре. Нутром чую, непростая она и отпускать не стоит.

– Мы закончили, Тихон Ильич.

– Да, мы закончили. Слушайте, а почему меня не осмотрит гинеколог, не возьмет мазок, а вдруг вы меня трахнуть захотите, а тут все анализы уже готовы?

– Все сказала?

– Нет.

– Можешь не продолжать, дальше мне неинтересно.

Арина вручила кусочек ваты, что прижимала к сгибу руки, медику, надела курточку, застегнула ее под горло, посмотрела на меня:

– Слушайте, Тихон Ильич, я устала, уже поздно. Давайте встретимся завтра, точнее, уже сегодня, как раз будут готовы анализы. Вы передо мной извинитесь, я приму извинения, и мы простимся навсегда. Ок?

Вот же наглая какая.

– Нет.

– Слушайте, а вы трудный, вам говорили об этом?

– Говорили, пойдем.

– Куда на этот раз?

– А с чего такая резкая перемена? В отделении ты мне «тыкала», смотрела так, будто готова была убить взглядом, а сейчас я Тихон Ильич?

– Священный трепет медсестры передался мне воздушно-капельным путем. К хозяину города только на «вы» и с придыханием, жаль, второе я не умею.

– Я заметил. Называй адрес.

Мы сели в машину, девушка, повернувшись, посмотрела удивленно, даже в плохом освещении было видно, как она устала, бледная, под глазами синие круги. Такая резкая перемена, вроде в полиции была свежее. А вдруг и правда наркоманка и сейчас ее отпускает?

Подумал об этом, и так противно стало.

Нет, я много что и кого видал за свои сорок два года: передозировки, ломки, мольбу о дозе – я знаю, какое это дно, так двое моих друзей по молодости ушли. Но в то, что эта красивая молодая девушка такая, глядя на нее, верить отказываешься.

– Ты бездомная? Доза нужна, да?

Долго не отвечает, только смотрит, плотно сжав губы, водитель ждет, в салоне тепло, но я вижу, как она дрожит. Минуту назад она шутила, а сейчас совсем другая, не спорит, не хамит. Что такого я сказал?

– Луговая, шесть.

Господи, до боли знакомые адреса, Луговая, восемь – малосемейка напротив шестого дома, дом, где я вырос, тот самый гадюшник.

– Тихон Ильич? – Вадим поворачивается ко мне, сам выруливая со стоянки клиники.

– Ты слышал адрес?

– Да.

Дорога по пустым ночным улицам занимает двадцать минут, все это время Арина смотрит в окно, я не лезу к ней, самому надо подумать. Я должен знать, кто она такая и что здесь делает; если привезла груз, будет наказана, как все, кто захочет утопить город в дури.

– Пригласишь?

Не отвечает, просто выходит и идет к обшарпанной двери подъезда, она не закрыта и, конечно, без домофона, я иду следом, Вадим за мной. Вонь и обшарпанные стены, грязная лестница, в таких местах ничего не меняется и никогда не изменится.

Такие места нужно ровнять с землей или сжигать. Из детей, что родятся и вырастают здесь, не выходит ничего хорошего, я не исключение, моя жизнь лишь кажется беззаботной и красивой.

На лестничном пролете между третьим и четвертым этажами лежит тело, вонь от спящего бомжа смешалась с помоями, и становится еще более невыносимой.

Квартира номер тридцать пять, замок ради приличия, темный коридор, Арина бросает ключи на старое трюмо, не включив свет, идет дальше, слышно, как льется вода, и я нахожу девушку на маленькой кухне. Она пьет воду прямо из чайника.

– Тебе плохо?

Снова не отвечает, включаю свет, слишком яркая лампочка освещает убогую обстановку. Потертый стол, две табуретки, пожелтевший тюль на окне, еще один стол, шкаф и мойка, старый холодильник рычит как раненый зверь.

Сколько себя помню, у всех обитателей этих домов такая же мебель, значит, ничего не изменилось за двадцать пять лет, как я ушел и поклялся больше не возвращаться никогда.

Вот, вернулся, получается.

Арина обходит меня, позади топчется Вадим, девушка идет в другую комнату, я за ней. Она перетряхивает постель; низкий диван, плотные шторы на окне, ну, парня тут нет точно. Находит таблетки, глотает, не запивая.

Чувствую себя паршивей некуда. Пока ехали, думал о ней черт-те что, наркоманка, проститутка, барыга наркотой, ничего хорошего не ждал, даже самому противно было убедиться, что она такая.

– Тебе плохо?

– Мне нормально. Ты хотел посмотреть, где я живу, и найти что-то определенное? Сделай это по-быстрому, я правда устала. – Голос тихий.

Снимает куртку, кидает ее на кресло, не смущаясь нас с Вадимом, в ту же сторону летит майка, она без белья. Резинка падает с волос, они рассыпаются по спине, всю правую руку до плеча с переходом на грудь покрывает татуировка.

Стебли с острыми шипами черными чернилами и редкие бутоны цветов с алыми брызгами на них. Я не любитель такого художества у девушек, но ей идет, красиво очень.

Небольшая грудь с острыми ярко-розовыми сосками на бледной коже. Арина, так же молча, надевает футболку, разувается. Она у себя дома, ее ничего не смущает, даже двое посторонних мужчин.

– Обыск отменяется? – спрашивает устало. – Вы начинайте, вдруг чего найдете, Тихон Ильич. Или хозяину города впадлу делать это самому?

В словах столько яда, а в глазах – ненависти, что можно захлебнуться. Становится все интересней узнать, кто она такая.

– Нет? Тогда вы знаете, где дверь.

## Глава 5

Арина

– Чего ты плачешь?

– Страшно.

– И ни капельки, смотри, я же не плачу.

– Ты большой.

– И ты большая.

– Нет, я маленькая, я хочу домой. Хочу к маме.

– Малая, ну не реви. Нет у нас больше дома, и мамы нет.

Резко просыпаюсь, лицо мокрое от слез, открыв глаза, смотрю в потолок, он серый от времени и пыли, но все лучше, чем видеть эти повторяющиеся один за другим сны.

Артемка снится постоянно, когда должна случиться в моей жизни очередная жопа. А еще заплаканная девочка с растрепанными кудрявыми волосами, она трет кулачками глаза, шмыгает носом, просится домой к маме.

Слишком светло. Опять не задернула шторы, ненавижу яркое солнце, оно всегда говорит о том, что в этом мире не все так плохо, что есть свет, добро, любовь.

Любовь? Нет, не знаю, что это такое. И знать не хочу.

Повернувшись на бок, рассматривая свои ботинки, думаю, что надо завязывать ходить на каблуках и в обтягивающих вещах, это всегда лишнее внимание, но я ведь была на работе. Хотя разливание пива за барной стойкой работой я бы не назвала – так, хобби, увлечение.

Виссарион – добрый мужик, надо сходить узнать, по какому поводу в баре вчера был кипиш и парни в бронежилетах с автоматами всех укладывали мордой в пол. А... точно, рейд наркоконтроля, из разговора и вопросов того важного Тихона Ильича можно сделать именно такие выводы.

Клетчатый плед на старом кресле, на нем брошенные майка и куртка, а сверху бумажка.

Кто-то решил написать записку?

Помню, что вчера он был здесь, я, выпив таблетку, предложила ему поискать то, зачем он пришел, а потом просто легла и заснула. Так бывает, анемия с детства, голова начала раскалываться, слабость – в общем, все «прелести», в этот момент ни до кого, хоть погром и пожар.

Тихон – интересное имя, ему идет. Значит, хозяин города, а это не очень хорошо, что я попала в круг его интересов. Интересно, что скажут мои отпечатки пальцев? Никифоров точно удалил их из базы или меня ждут еще сюрпризы?

Сев на диване, потеряла лицо, нашла резинку для волос под подушкой, собрала их в хвост. Так и заснула в штанах, словно бомж, да потому, где и как я живу, можно понять, что я такая и есть.

Встав, прочитала записку: «Будь дома. В пять приеду».

Смотрю на старые часы, стрелки показывают десять утра. Времени полно, но сама не знаю для чего.

Да, странный он, но понять можно, авторитетный человек хочет, чтоб все было по его правилам, по одной простой причине: я на его территории и должна жить по его законам. Но мне ведь законы не писаны.

Долго принимала душ, а потом столько же разглядывала себя в зеркало. Слишком бледная, если не буду нормально питаться, снова начнут торчать кости, Никифоров так это не любил, а я все делала ему назло. Последние лет пять у меня некий смысл жизни сделать ему гадость.

Три разбитые машины, семь дебошей в ночных клубах и два – в его отделении, один случай был совсем жесткий, я тогда закрутила роман с одним мажором, нет, мы не спали, думала: вот пусть Константин Андреевич убедится, какая я дрянь, и отстанет.

Но нет, не вышло, парнишка отделался легким испугом, а я – месяцем нахождения на даче под присмотром двух амбалов и одной старой грымзы. Забавные были времена, если бы не такие печальные.

Промокая волосы, захожу на кухню, первое, что вижу, – упаковку минеральной воды: открыв холодильник, почти впадаю в ступор – он забит едой: фрукты, овощи, сыр, колбаса, икра, масло, яйца. Вот не люблю я такие сюрпризы, и ничего ни от кого мне не надо. Живот предательски урчит, сегодня с утра я не гордая и приму эти дары, все равно выкинет, если откажусь.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.